

Часть первая: Историческое развитие антииудейской теологии

"ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ" ЕВСЕВИЯ

"Церковная история" Евсевия является общепризнанной работой по церковной истории начиная с конца книги Деяний и до Никейского Собора. "Уникальная работа остается единственным важнейшим источником по истории церкви тех столетий". К сожалению, признано, что в этом источнике содержатся некоторые серьезные "неправды".

"Церковная история" Евсевия была написана в годы правления императора Константина. Константин известен как первый христианский император. Церковь прошла через столетия гонений. Константин провозгласил им конец (хотя вскоре они снова возобновились) и начал превозносить церковь. Именно он созвал собор в Никее.

С этим политическим поворотом одновременно происходит и поворот теологический. Сам Евсевий сыграл важную роль в осуществлении этого теологического поворота. "Взгляд Евсевия был обусловлен новым политическим урегулированием отношений между Империей и Церковью, а также его теологическим воспитанием и приверженностью определенным взглядам, унаследованным им от Оригена.

"В его политической философии, ясно сформулированной в Vita Constantini [Жизнь Константина] и в Oratio de Laudibus Constantini [Хвалебная Речь Константину] император является образом Божиим и представителем Всемогущего. Император выступает в роли толкователя Логоса. Он подражает филантропии Сына Божьего. В собрании всех епископов во главе с императором Константином в день тридцатилетия его правления Евсевий усмотрел образ Мессиианской вечери.

"Для Евсевия более не существовало точной и определенной границы между церковью и империей. Казалось, что они слились воедино. Структура земного правительства императора, заявляет Евсевий, соответствует божественному оригиналу".

Какой же божественный оригинал должны были отображать император и его империя? Центральной теологической темой был характер осуществления царства Божия. Если царству надлежало осуществиться во время личного земного царствования Иисуса Мессии из Иерусалима, тогда иудеи неизбежно были бы частью этого царства, которому бы предшествовало покаяние Израиля. В данном случае верность Божия остается в силе. Царство все еще дело будущего.

С другой стороны, если Константин и нарождающаяся Священная Римская Империя вместе с церковью, превознесенной государством, являлись этим царством, тогда больше нет нужды в иудеях. Полнота царства уже в настоящем.

Более того, если иудеи не имеют существенного значения для исполнившегося царства Божия, следовательно, и Бог не нуждается в них и не имеет для них предназначения. В этом случае отвержение и замещение иудеев являются средством осуществления царства Божия. Вместо того, чтобы быть естественными гражданами царства, не говоря о верности или неверности, иудеи становятся врагами этого царства. Если бы таково было положение, то церкви следовало признать и провозгласить это.

Евсевий, в четвертом столетии, твердо верил, что церковь была "Новым Израилем", пришедшим на смену иудеям. Он твердо верил, что в плане Божиим для иудеев не было четкого места. Всякий раз, обсуждая тему физического миллениума, он рассматривает ее как еретический взгляд. (Миллениум происходит от лат. mille annis, тысяча лет). Вслед за Оригеном Евсевий отвергает нормальное значение писаний, обещающих восстановление еврейского народа. Либо же он вовсе игнорирует эти писания. (Мы рассмотрим это позже более детально.)

Вера в восстановление еврейского народа и установление в Израиле тысячелетнего царства не являлась еретическим взглядом, как мы увидим позже. Это был преобладающий взгляд. фактически, он являлся утвержденной ортодоксией. Именно тот взгляд, поборником которого сделался Евсевий, в первом и втором столетиях считался ересью.

При написании книги всякий автор решает, что в нее включить, и что опустить. При написании истории верный историк будет принимать эти решения так, чтобы представить точную картину прошлого. Евсевий же допускал неточности преднамеренно. У него был собственный замысел.

"Не должен был быть использован ни один источник, противоречивший апостольской традиции, как ее понимал Евсевий". Те источники, которые обнаруживали, что апостольская традиция отличалась от той, какую представлял себе Евсевий, игнорировались им. Он был склонен создавать такую апостольскую традицию, которая отличалась от того, во что верили и чему в действительности учили апостолы.

"... Евсевий был продуктом Александрийской теологической школы (т. е. Оригеновой). Для него ортодоксальной была преимущественно традиция, сохранившаяся в Александрии, во всей своей целостности и непротиворечивости".

"Смысл этих примеров, лишь двух из многих, в том, что они представляют Евсевия заинтересованным лицом; в повествовании о Константине и о церкви в общем его намерением не было стремление предоставить беспристрастные сведения". "По мере того, как исследования становились более критическими, историки начали смотреть на VC [De Vita Constantini, "Жизнь Константина" Евсевия] со все большей опаской до тех пор пока, наконец, один великий рационалист девятнадцатого столетия, Яков Буркхард, не назвал ее автора "первым предельно бесчестным историком античности", "наиболее отвратительным из всех льстецов".

Но у Евсевия была на то своя причина. Образ, который он желал представить, церковь, в создании которой он хотел помочь, были для него более важными, нежели историческая действительность. Прежде, чем написать свою "Церковную историю", он уже завершил шеститомный труд в защиту Оригена, Он желал убедить церковь в правоте Оригена. Евсевий придерживался той же цели и в своей "Церковной истории".

СИСТЕМА ТОЛКОВАНИЯ ОРИГЕНА

Работа Оригена датируется приблизительно началом третьего столетия. До Оригена также были те, кто толковал писания аллегорически, но именно он стал известен как отец аллегорического метода толкования. Причиной тому послужило создание им обстоятельной системы, в которой аллегория становится единственным путем истинного понимания писаний.

В своей системе толкования Ориген часто отрицал буквальный смысл текста, заменяя его вымышленными аллегориями. Затем эти аллегории становились подлинным смыслом текста. Таким образом, более не представлялось возможным ставить под сомнение аллегории на основании самого текста, так как то, что в действительности говорилось в тексте, отличалось от того, что имелось в виду.

В этой аллегорической системе, когда в тексте было сказано "Израиль", имелась в виду "церковь", а не "евреи", в том случае, когда обетование или комментарий были положительными. Когда же обетование или комментарий были отрицательными, тогда "Израиль" все еще значил "евреи", а не "церковь".

Филипп Шафф, известный историк девятнадцатого столетия, сказал: "Ориген был величайшим ученым своего века, и наиболее одаренным, трудолюбивым и развитым из всех доникейских отцов церкви. Даже язычники и еретики восхищались его блистательным талантом и широкой ученостью, и побаивались его. Его знания охватывали все сферы филологии, философии и теологии того времени. Все это сочеталось в нем с глубокой и плодотворной мыслью, поразительной проницательностью и потрясающим воображением".

Хотя Шаффу Ориген весьма симпатичен, он все же замечает, что "его ни в коем случае нельзя назвать правоверным ни в католическом, ни в протестантском смысле. Его уклон в сторону идеализма, его пристрастие к Платону и его благородные усилия примирить христианство с рассудком, таким образом делая его приемлемым для образованных язычников и гностиков, привело его ко многим величайшим, хотя и очаровательным заблуждениям. Среди них его чрезмерно аскетическое и почти доцетистское понимание телесно-физического, его отрицание физического воскресения, доктрина о предсуществовании душ и их предвечном грехопадении (включая предсуществование человеческой души Христа); вечного творения, распространения действия искупления на обитателей звезд и всех разумных существ, и конечного восстановления всего человечества и падших ангелов..".

Но, по мнению Шаффа, "самая большая заслуга принадлежала Оригену в экзегетике. Он является отцом критического исследования Писания, а его комментарии до сих пор пользуются спросом среди исследователей благодаря тому, что содержат много богатого мыслью материала... Его наибольший изъян - пренебрежение историческим и грамматическим смыслом и значением, а также постоянное желание обнаружить скрытый мистический смысл. В этом направлении он порой заходит дальше самих гностиков, видевших повсюду трансцендентные неисчерпаемые таинства. Его герменевтический принцип предполагает три смысловых уровня - соматический, психический и пневматический; или буквальный, моральный и духовный. Его аллегорическое толкование бесхитростно, но часто оно далеко уходит от текста и превращается просто в каприз; временами же в нем обнаруживается противоположная крайность плотского буквализма, которым он оправдывает свой чрезмерный аскетизм".

За некоторые из тех доктрин, в которые верил и которым учил Ориген, многие считали его еретиком. При жизни он был отлучен двумя церковными соборами в Александрии в 231 и 232 гг. Посмертно его взгляды также подверглись осуждению со стороны некоторых в церкви как еретические. Сегодня, несомненно, некоторые из его учений считались бы достаточно еретическими, чтобы оставить Оригена за пределами верующей церкви.

Тем не менее, "большинство греческих отцов третьего и четвертого столетий в той или иной мере находились под влиянием духа и работ Оригена, не принимая всех его необычных спекулятивных умозрений. Наиболее выдающиеся из его учеников - Григорий Тавматург, Дионисий Александрийский, прозванный Великим, Геракл, Иераклий, Памфилий; в более широком смысле также Евсевий, Григорий из Ниссы и другие видные святые никейского века".

Несмотря на то, что эти мужи церкви третьего и четвертого веков не принимали всех учений, которые породила система толкования Оригена, саму систему они все же приняли. Та ограниченная историческая информация, которой мы обладаем, все же позволяет нам проследить передачу этой системы. Ведь именно оригенова система толкования породила антииудейскую телогию "Нового Израиля", в которой церковь подменяет иудеев в плане и предназначении Божиим.

"Под влиянием юношеской ревности по аскетической святости, Ориген даже совершил самооскопление, частью с тем, чтобы исполнить мистические слова Христа в Матф. 19:12, ради царствия Божия, а частью для того, чтобы оградить себя от всех соблазнов и искушений, которые могли бы возникнуть на почве отношений с многочисленными женщинами из новообращенных (катехуменами). Этим неумеренным и неуместным героизмом, в котором он раскаялся в более зрелые годы, он сделал себя непригодным (в соответствии с канонами церкви) для клирикального служения. Однако, значительное время спустя, в 228 г, он был посвящен в сан пресвитера двумя дружелюбными епископами, Александром из Иерусалима и феоктистом из Кесарии в Палестине, которые, во время его прошлого визита (когда он еще был мирянином), приглашали его учить публично в их церквях, и разъяснять их прихожанам Писания".

Ориген и его писания тепло принимались в римской провинции "Палестины", особенно в Кесарии. Хотя это и было нарушением существовавших церковных канонов, Ориген был посвящен там в сан пресвитера. Тамашние церкви не признавали его отлучения.

Такое отношение церквей римской провинции "Палестины" понятно в историческом смысле. Почти все иудеи из Иудеи и Самарии либо погибли во время восстания Баркохбы 132-135 по Р.Х., либо были уведены в рабство римскими завоевателями. Прежде чем евангелие было проповедано язычникам, там находились иудейские церкви "по всей Иудее, Галилее и Самарии". (Деян. 9:31)

По окончании восстания Баркохбы и впоследствии, всем иудеям было запрещено появляться даже в окрестностях Иерусалима. Сам город был разрушен и переименован в Аэлию, в честь божественного происхождения (т. е. божественной природы римского бога Юпитера) Аэлии Адриана, т. е. императора Адриана, разрушившего Иерусалим. Но до этих пор все епископы Иерусалима были иудеями. Если и в Кесарии до этого были епископы, они почти наверняка также были иудеями.

Римская Империя уничтожила или сместила еврейских епископов и их церкви. Они были заменены языческими. Естественным образом языческие епископы и церкви стали считать, что они заменили евреев.

В своем "Диалоге с Трифоном Иудеем" Иустин, бывший родом из Самарии, выразил убеждение, что разрушение Иерусалима и все страдания, последовавшие за безуспешным восстанием Баркохбы, явились судом Божиим за неверие в Иисуса. Этот взгляд послужил платформой для еще одного далеко идущего теологического шага к учению о том, что Бог отверг Иудеев и заменил их языческой церковью. Существуют очевидные естественные причины тому, что такое учение "пришлось по вкусу языческим епископам и церквям в "Палестине".

Оригенова система толкования обеспечивала путь преодоления библейских препятствий для подобного учения. Ориген учил, что некоторые писания следует понимать только аллегорически, некоторые - только буквально, а иные - и аллегорически, и буквально одновременно. Хотя такой подход к писаниям, на первый взгляд, кажется вполне приемлемым, он создает ряд трудностей. Один пример из произведения Оригена сделает это очевидным.

Народ Израиля оказался в пустыне вскоре после того, как Бог искупил их из Египта. Библия говорит: "И пришли Амаликитяне и воевали с Израильтянами в Рефидиме. Моисей сказал Иисусу: выбери нам мужей, и пойдя, сразись с Амаликитянами; завтра я стану на вершине холма, и жезл Божий будет в руке моей. И сделал Иисус, как сказал ему Моисей, и [пошел] сразиться с Амаликитянами; а Моисей и Аарон и- Ор взошли на вершину холма. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой [стороны]. И были руки его подняты до захождения солнца. И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча". (Исх. 17:9-13)

Очевидно, что между высотой поднятия рук Моисея и военной победой израильтян нет отношений естественной причинности. Таким образом, логично было бы предположить, что в сверхъестественном вмешательстве Бога в пользу Израиля заключается определенный урок. Текст приглашает читателя разыскать и воспринять этот урок, выходящий за пределы буквального значения текста.

В Талмуде сказано: "(Написано) и случилось, когда Моисей воздевал руки, то Израиль превозмогал, и т. д. Итак, руки ли Моисея вели брань и сокрушали врага? Не так; только текст обозначает, что покуда Израиль обращает свои помыслы ввысь, а сердце покоряет своему Отцу Небесному, он превозмогает, иначе же бывает низложен. Тот же урок можно преподать и так. (Написано), Сотворите себе огненного змия и возденьте его на шесте, и будет, что всякий, кого укусят змеи, увидев его, жив будет. Итак, змей ли поражал и в живых оставлял? Нет; (это обозначает, что) покуда Израиль обращает свои помыслы ввысь, - а сердце покоряет своему Отцу Небесному, он исцеляется, иначе же пропадает". Различные раввины первого и второго столетий давали слегка отличающиеся небуквальные толкования на этот текст, связывая воздетые руки Моисея с теми периодами, когда Израиль совершал волю Божию и исполнял Закон.

Есть много свидетельств того, что Ориген был знаком с писаниями раввинов и даже с этими толкованиями в частности. Евсевий сказал: "Исследования, предпринимавшиеся Оригеном применительно к Священным Писаниям, были столь

велики, что он также изучал иврит; и оригиналы произведений, на писанных на иврите рукою иудеев он знал, как собственные. Он также исследовал и издания других (переводы/таргумы), которые, помимо семидесяти (Септуагинта), издавали переводы Писаний, и иные, отличные от хорошо известных переводов Аквилы, Симаха и Феодосия...".

"Яркой иллюстрацией того, как Ориген пользуется иудейской трактовкой библейского отрывка, изменяя и приспособлявая ее к новой диспенсации, является его толкование воздетых рук Моисея во время битвы Израиля с Амаликом... Обыкновенное христианское толкование моисеевых рук состоит в том, что в них усматривается символ Креста. Оригена привлекла иудейская трактовка, - но он не мог не исказить ее слегка так, чтобы прочесть в нем осуждение Синагоги...

"(Ориген комментирует) "Если наши деяния возвышены, и не зиждятся на земном, Амалик поражен... Так, если народ соблюдает закон, он воздевает моисеевы руки, и противник побежден; если же он не блюдет закон, Амалик укрепляется". "Я полагаю, что в этом образе Моисей представляет два народа, указывая, что один из них - народ языческий, поднимающий и поддерживающий руки Моисея, то есть возвышающий написанное Моисеем и утверждающий понимание оно на высоком уровне, таким образом одерживает победу; в то время как иной - это народ, который не воздевает рук Моисея, не поднимает их от земли, и не считает, что в нем заключается нечто глубокое и утонченное, таким образом бывает покоряем своими врагами и низлагаем".

"Не будет преувеличением сказать, что для Оригена суть всего диспута между Церковью и Синагогой может быть сведена к вопросу толкования писания... Различие между Христианством и Иудаизмом состоит в том, что христиане постигают тайны, на которые в Библии содержатся лишь намеки, тогда как иудеи способны только на строго буквальное прочтение текста. (Удивительным может показаться то, что из всех остальных, именно Оригену, столь хорошо знакомому со всеми аспектами иудейской экзегетики, случилось увековечить миф об "иудейском буквализме", но именно это он и сделал.)"

Сама Библия дает ясно понять, что в ней содержатся знамения и символы, образы и предначертания, метафоры и притчи, видения, сны и тайны, а также духовные уроки, превосходящие описания отдельных событий. Павел говорит о событиях, происшедших с Израилем во время исхода и после. Он обращается к новозаветным верующим: "Все это происходило с ними, [как] образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков". (1 Кор. 10:11)

Он напоминает Тимофею: "Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен". (2 Тим. 3:16-17) Для того, чтобы происшедшее с кем-то имело значение для нас, в нем должен заключаться урок, превосходящий рамки самого события. Однако урок может быть усвоен при условии понимания того, что произошло в действительности, а не игнорируя или изменяя действительность в угоду тому, во что мы уже предпочли верить.

К сожалению, Ориген избрал игнорировать или изменять действительность в угоду собственным убеждениям. В своем теологическом походе против тех в церкви, кто держался буквального значения текста, Ориген решил изобразить их недостойными "иудеями", отвергающими Господа.

Хотя Ориген и знал, что Бог дал миру писания Нового Завета через иудеев, он писал, так: "...народ языческий, поднимающий и поддерживающий руки Моисея, то

есть возвышающий написанное Моисеем и утверждающий понимание онога на высоком уровне..". Он ссыался на писания Нового Завета, как на то самое возвышение моисеевых писаний, но тот факт, что все они были написаны или продиктованы иудеями, не укладывался в рамки того, что он утверждал. Так он искажил реальность.

Всякий, кто не принимал его аллегорическую систему толкования, был не более чем "иудей", и, по сути, не принадлежал к церкви. Ориген утверждал: "Если кому угодно воспринимать и разумеать эти слова буквально, ему следует собираться с иудеями, а не с христианами. Но если кто желает быть христианином и учеником Павла, да внимлет он словам Павла, говорящего, что "закон духовен" и заявляющего, что слова эти "аллегоричны", когда закон говорит об Аврааме и его жене с сыновьями".

Раввины не держались строго буквального метода толкования писания, отнюдь. Оригену это было известно. Но действительность не поддерживала его убеждений, и он искажил ее вместо того, чтобы изменить свои убеждения.

Такова основная проблема аллегорического и мистического толкования. Каким образом можно проверить истинность определенной аллегорической или мистической интерпретации? Что делает ее истинной?

Возможно ли как-либо разграничить приемлемое и неприемлемое? Чье аллегорическое или мистическое толкование правильно и авторитетно? Да и имеет ли какое-нибудь значение то, что факты могут в действительности значительно отличаться от притязаний толкователя?

Писания представляют собою стандарт Истины, по которому судится все остальное, включая толкование. Но сам способ аллегорического и мистического толкования, отрицающий непосредственный смысл и значение текста, делает этот стандарт бесполезным. "Настоящее" значение Писаний теперь уже не зависит от того/ что в них действительно говорится. "Для Оригена сам стандарт стал невидимым для всех, за исключением "совершенного человека" (ho teleios, возможно "посвященный"), который способен достичь разумения духовного закона".

Как узнать, какие писания следует понимать тем или иным образом? Если, к примеру, основные пророчества, относящиеся к первому пришествию Мессии исполнились буквально, то почему мы должны ожидать, что пророчества о Его втором пришествии будут иметь лишь мистическое исполнение? Буквальное исполнение пророчеств имеет колоссальное значение для евангелия. Без буквального исполнения пророчеств нет и евангелия.

Даже генеалогии у Матфея и Луки неотъемлемы от евангелия. Что может быть более "плотским" для аллегориста, чем буквальная трактовка еврейских генеалогий? Но эти генеалогии устанавливают законное право Иисуса на престол Давидов. Его физическое происхождение от Давида чрезвычайно существенно для Божиего плана искупления мира.

Учения Оригена являются производными от антииудейской точки зрения, и в свою очередь требуют ее. Он лишил иудеев наследия и поставил на их место церковь. Писания, обещающие осуждение Израилю (Иудеям, Иакову), следовало все еще понимать в их буквальном значении. Но те писания, что обещают Израилю (Иудеям, Иакову) благословение, теперь должны относиться исключительно к церкви.

Такая постановка вопроса сделала церкви в "Палестине" единственным географическим наследником евангелия, достойным особого почтения. Оригена

приглашали туда учить, несмотря на разногласия, производимые его учениями, где бы то ни было. Там он был поставлен пресвитером вопреки церковным канонам. Там его учения тщательно записывались и хранились.

Оттуда его учения распространились в другие части церкви. "Григорий, прозванный Тавматургом, "чудотворцем", в юности в Кесарии был обращен Оригеном из язычества, провел восемь лет в его обществе, и затем, после периода уединенных раздумий, трудился в качестве епископа в Новой Кесарии в Понте с 244 по 270 гг без экстраординарных успехов".

"Памфилий, великий поклонник Оригена, пресвитер и преподаватель теологии в Кесарии в Палестине и мученик времени гонений Максимилиана (309 г), сам не будучи автором, являлся одним из наиболее либеральных и эффективных пропагандистов христианского образования. Он сослужил неоценимую службу будущим поколениям, основав теологическую школу и собрав большую библиотеку, из которой его ученик и друг Евсевий (так и прозванный "Евсевий Памфилий"), Иероним и многие другие черпали и умножали свои познания. Без этой библиотеки церковная история Евсевия была бы несравненно менее поучительной, нежели то, что мы имеем. Памфилий своей собственной рукой переписывал полезные книги, среди прочих Септуагинту с оригеновой Гексапалы. Он оказывал помощь бедным студентам и распространял Писания. Будучи в заключении, он написал в защиту Оригена, которая была завершена Евсеем в шести книгах, из коих сохранилась лишь первая в латинской версии Руфина, которого Иероним обвиняет в произвольных изменениях. Она была обращена к исповедникам, осужденным на работы в шахтах Палестины, дабы утвердить их в правоверности Оригена из его собственных писаний, в особенности по вопросам триединства и личности Христа".

Воззрения Оригена были объявлены еретическими, но, вслед за Памфилием, церкви в "Палестине" учредили теологическую школу и библиотеку, призванные утвердить взгляды Оригена как истинную ортодоксию по всей церкви. Памфилий учил Евсевия, а Евсевий всецело посвятил себя делу защиты взглядов Оригена.

Евсевий сделал это открыто в шеститомной защите Оригена, которую он завершил, но он также сделал это и в своей "Церковной истории". Оригеновой ереси суждено было одержать триумф в четвертом веке на Никейском Соборе с помощью Евсевия, Константина и их последователей.

"Письма от императора, цитируемые в "Vita Constantini", одно из которых должно датироваться даже доникейским периодом, показывают близость отношений, возникшую между этими людьми, а также принятие Константином той роли, которую ему отводил Евсевий". Прежде чем взглянуть на тот Собор и решения, принятые на нем, нам следует рассмотреть центральную теологическую проблему - характер осуществленного царства Божия.

"ИСТОРИЯ" ЕВСЕВИЯ И МИЛЛЕНИУМ

Евсевий был другом Константина и писал, частью, для того, чтобы найти подтверждение новым отношениям между церковью и государством, которые установил Константин. Эти отношения государства и церкви были антагонистичны ожидавшемуся царству Божию, провозглашенному апостолами. При новых отношениях церковь устанавливает царство Божие через государство. Так как эти

новые отношения были приняты, возникла необходимость внести изменения в ожидания того, каким надлежит быть царствию Божию.

"Чрезвычайно широкое употребление слова "царство" в христианской литературе второго столетия эсхатологично", то есть, христиане второго столетия ожидали установления царства Божия с возвращением Иисуса в конце века. Они сознавали, что в определенном смысле и определенным образом царство Божие уже присутствовало, но его полное осуществление наступит с уничтожением царств мира сего.

"В начале третьего столетия в лице Оригена явился мыслитель, сумевший внедрить "гностическое" измерение царства, внутреннего царства Бога в душе в ортодоксальную мысль... Так Ориген явился поворотным пунктом". Этот гностический взгляд предполагал, что полнота царства Божия должна придти с духовным ростом индивидуального верующего и с духовным ростом церкви в целом. Отпала необходимость в возвращении Иисуса для суда над народами и искупления Израиля с тем, чтобы утвновить царствие по всей земле.

С введением в третьем веке оригенова аллегорического метода толкования, вера церкви относительно царствия стала изменяться. С тех пор, как антииудейские настроения распространились в церкви, то, что однажды почиталось ересью, теперь подавалось как новая ортодоксия. Тысячелетнее восстановление Израиля начинали считать плотской, иудейской доктриной, в которую не может верить ни один правоверный христианин.

В своей "Церковной истории" Евсевий часто по различным вопросам цитирует ранних церковных авторов, придерживавшихся взглядов, близких его собственным. Это естественно и приемлемо для любого автора, ищущего подтверждения своим собственным взглядам. Касательно вопроса буквального, тысячелетнего восстановления царства Израиля - теологического вопроса, от которого целиком и полностью зависят новые отношения церкви и государства - Евсевий не цитирует никого из ранней церкви, кто бы придерживался его собственной точки зрения. Он не делает этого потому, что не может. Никто из них не разделял его мнения.

Евсевий показывает, что у него имелись писания ранней церкви по этому вопросу. Но эти писания выражали веру в буквальное, тысячелетнее восстановление царства Израилю. Так как Евсевий отверг этот взгляд и хотел его заклеить как ересь, он предпочел вообще не цитировать ни одного из авторов ранней церкви.

Вполне понятно, что те, кто принимает писания Евсевия за точное воспроизведение теологии ранней церкви, склонны разделять его мнение. К сожалению, Евсевий в этом отношении не достоверен.

Евсевию пришлось признать, хотя довольно неохотно, что позиция "Нового Израиля", которой он придерживался, не разделялась ни апостолами, ни теми, кого они наставляли. Одним из таких учеников апостолов был Папий, которого учили апостол Иоанн, Филипп евангелист (Деян. 21:8) и другие. Он был товарищем Поликарпа. В одном разделе Евсевий говорит: "В эту пору, также, Папий был хорошо известен как епископ церкви в Иераполе, муж искусный во всяком учении и хорошо знакомый с Писаниями". Во всей "Церковной истории", за одним исключением, и в писаниях всех остальных, высказывавшихся о нем, Папий предстает очень благочестивым человеком исключительных познаний, верным учениям апостолов.

Единственное исключение мы встречаем там, где Евсевий упоминает, что "он (Папий) говорит о том, что после воскресения будет некий миллениум и физическое царствование Христа непосредственно на земле; все это представляется его

собственным вымыслом, якобы основанном на рассказах апостолов; но он не понимает должным образом мистический характер их представлений. Ибо его восприятие было весьма ограниченным, что явствует из его рассуждений; но именно он стал причиной того, что большинство церковных авторов, полагавшихся на его древность, были увлечены подобной точкой зрения; к ним относятся, например, Иреней и другие, придерживавшиеся такого же мнения".

Следует сделать несколько замечаний по поводу комментария Евсевия. Во-первых, Папий придерживался учения о том, что "будет некий миллениум и физическое царствование Христа непосредственно на земле; ... якобы основанного на рассказах апостолов..". Иными словами, Папий утверждал, что этому учили апостолы.

Папий в течение долгих лет был учеником Иоанна и других руководителей ранней церкви. Евсевий решительно ничем не подтверждает собственное заявление о том, что Папий, снискавший всеобщее признание и похвалу за свою верность апостольскому учению, решился на "вымысел" столь существенных отклонений от учения апостолов.

Во-вторых, несмотря на то, что повсюду Евсевий хвалит Папия за его добродетели и познания, здесь он уничижительно изображает его заблудшим и недалеким. Единственным "подтверждением" этой оскорбительной характеристики, имевшейся у Евсевия являлась вера Папия в тысячелетнее царствование Мессии на земле. Вопреки собственным похвалам, расточаемым им же самим где бы то ни было, в данном отрывке Евсевий принижает Папия с тем, чтобы дискредитировать данную доктрину.

Существуют многочисленные свидетельства в пользу того, что Папий обладал глубоким пониманием духовных истин. Среди прочих достойных предприятий, считается, что именно Папий записал евангелие от Иоанна под диктовку апостола. Евангелие от Иоанна едва ли можно назвать бездуховным документом.

В-третьих, Евсевий признает, что "большинство церковных авторов, полагавшихся на его древность, были увлечены подобной точкой зрения". Таким образом, по Евсевию, большинство церковных авторов верили, что "будет некий миллениум и физическое царствование Христа непосредственно на земле". Без всяких на то оснований Евсевий заявляет, что единственной причиной их веры была "древность" Папия.

Во времена Папия и ранее некоторые придерживались различных ошибочных доктрин. "Большинство церковных авторов" все же не были сбиты с толку "древностью" этих лжеучителей. Не были они сбиты с толку и "древностью" Папия.

Эти верующие доверяли не только древности Папия. Папий прожил жизнь последовательного служения Господу, Его апостолам и Его церкви. Это послужило причиной того, что большинство церковных авторов доверяли переданному им апостольскому учению. Доверял ему и Евсевий, единственное исключение составляет этот момент.

Несогласие Евсевия с апостольским учением было столь серьезным, что он, если бы мог, не преминул бы привести учение какого-либо современника апостолов или их учеников, разделявших его убежденность в необходимости "мистического", духовного истолкования этого вопроса. Тем не менее, он не в состоянии привести писания ни одного - ни единого - из авторов того раннего периода, кто бы разделял его веру. В его распоряжении были документы. На его стороне всецело была поддержка Константина. Но все же он не смог представить ни единого свидетельства в пользу своей позиции.

В сложившейся ситуации Евсевий решил не приводить учение "большинства церковных авторов" о тысячелетнем царстве, так как они находились в противоречии с его собственными убеждениями. Фактически, он не цитирует по этому вопросу ни одного из них. Их произведения были известны и находились в обращении в начале четвертого столетия, когда Евсевий писал свою "Церковную историю".

Иероним, писавший в конце четвертого столетия, сказал: "Он (Папий), как свидетели, распространял иудейскую традицию миллениума, и ему следовали Иреней, Аполлинарий и другие, говорившие, что после воскресения Господь будет царствовать во плоти со святыми". Иреней и Аполлинария Евсевий также представляет учеными, добродетельными, верными свидетелями апостольской веры.

Евсевий говорит: "Приблизительно в это время, возлюбленный ученик Господа, Иоанн апостол и евангелист, будучи еще в живых, управлял церквями в Азии по возвращении из изгнания на остров, после смерти Домициана. Для доказательства же того, что он еще был жив, достаточно сведений двух свидетелей. Они, сохранив здоровое учение в церкви, могут почитаться достойными всякой чести: таковыми были Иреней и Клемент Александрийский. Из коих первый, в своей книге против ересей..".

По Евсевию, Иреней сохранил в церкви здоровое учение. Он писал против ересей. Он был верным и истинным свидетелем. Иреней верил, что Господь будет царствовать во плоти со святыми на земле.

Иероним, также отвергая "иудейскую традицию миллениума", не цитировал "других". Он отвергал писания "большинства", либо же всех тех в ранней церкви, кто верил этой традиции. Их работы все еще были доступны в тот период, когда он писал. Как и Евсевий, он оказался не в состоянии привести какие-либо свидетельства в опровержение других церковных авторов.

Евсевий, Иероним и другие имели в своем распоряжении эти писания, но они не желали сделать их достоянием других. Эти писания "большинства церковных авторов", распространявших "иудейскую традицию миллениума", сегодня нам не доступны. Однако, это не является свидетельством того, что церковь не верила в то, во что верили они. Данное обстоятельство свидетельствует лишь о том, что некоторые в более поздней церкви не позаботились о том, чтобы сохранить эти писания.

Часть одного из дошедших до нас ранних произведений, "Откровение Петра", явно говорит о восстановлении Израиля. В отрывке, перекликающемся с евангелиями от Матфея 24, Марка 13, Луки 21 Иисус сидит на Елеонской горе, а подошедшие к нему ученики спрашивают: "Открой нам, каковы знамения твоего Пароузия (явления) и кончины мира..?" Говоря им о знамениях, Он наставляет их: "А вы, послушайте притчу о смоковнице: как только даст она побеги и ветви ее распустятся, придет конец мира"

Затем Петр попросил Иисуса пояснить притчу о смоковнице, предвещающей кончину века и пришествие Господне, (ср. Мф. 24:32-36; Мк. 13:28-32; Лк. 21:29-33) Иисус отвечает: "Не разумеете ли, что смоковница суть дом Израилев. Истинно говорю вам, когда ветви ее распустятся в конце мира, восстанут лжехристы. Они возбудят ожидания, говоря: "Я Христос, пришедший уже в мир". Но сей лжец не есть Христос. Когда они отвергнут его, он будет умерщвлять мечем. И тогда ветви смоковницы, которая суть дом Израилев, распустятся. И будет множество мучеников от рук его..".

"Откровение Петра", короткое произведение, в котором говорится лишь о восстановлении Израиля, отнюдь не считалось еретическим документом. В

"Мураторийском каноне", написанном около 180 г по Р.Х., перечисляются писания, признанные ранней церковью (или ее частью) каноническими. В нем упоминается: "Мы также признаем откровение Иоанна и таковое Петра, хотя некоторые из нас не желают, чтобы последнее читалось вслух в церкви".

"Окровение Петра" считалось частью канона. Оно признавалось Словом Божиим. Однако некоторые в церкви не желали, чтобы оно читалось публично. Это, конечно, довольно необычно. (Евсевий был знаком с "Откровением Петра", но не цитировал него.)

Те в церкви, кто не хотел, чтобы "Откровение Петра" читалось публично, не спорили с тем, что оно является Словом Божиим. Просто оно содержало материал, который был им не по вкусу. Даже если они и верили в то, что оно было Словом Божиим, они не хотели, чтобы оно читалось в церкви. Хотя сегодня мы и не считаем его каноническим, оно все же является надежным документальным свидетельством того, во что верила ранняя церковь.

"Диалог с Трифоном Иудеем" Иустина, датируемый около 160 г по Р.Х., также представляет собой свидетельство того, во что верила ранняя церковь. По всей видимости, диалог этот состоялся вскоре после восстания Бар Кохбы, 132-135 гг, но был записан не ранее чем через двадцать лет.

Иустин указывает на запустение Израиля и говорит Трифону: "Итак, все сие постигло вас заслуженно и справедливо. Ибо вы поразили Праведника и пророков прежде Него, а ныне вы отвергаете, и, как только можете, бесчестите уповающих на Него и Бога Всемогущего, Творца вселенной, пославшего Его, проклиная в своих синагогах верующих во Христа. Ибо вы не властны поднять руки своей на нас благодаря нынешним правителям. Но делали сие всякий раз, когда имели возможность".

Иустин считал, что церковь есть истинный Израиль, но не в заместительном смысле, появившемся позже. "Ибо мы истинный израильский народ, племя Иуды и Иакова, Исаака и Авраама, который, еще будучи необрезанным, получил от Бога свидетельство веры своей, был благословен и наречен отцом многих народов - мы, заявляю я, суть все те, кого приблизил к Богу сам распятый Христос..".

"И как от того самого Иакова, нареченного также Израилем, весь ваш народ звался Иаковом и Израилем, так и мы, хранящие христовы заповеди, благодаря Христу, родившему нас для Бога, и зовемся, и на деле являемся Иаковом, и Израилем, и Иудой, и Иосифом, и Давидом, и истинным детьми Божиими".

Иустин утверждает, что язычники, "хранящие христовы заповеди, благодаря Христу" также являются полноправными членами Израиля. Похоже, он не считает, что церковь заменила иудеев, но скорее христиане из язычников были привиты к Израилю через Иисуса. "И когда Бог благославляет, и именует народ сей Израилем, и возглашает, что он Его наследие, как можете вы не раскаиваться в том, что обольщаете себя, будто бы только вы Израиль, и в том, что проклинаете народ, благословенный Богом".

"Трифон сказал: действительно ли ты хочешь сказать, что никто из нас не унаследует ничего на святой горе Божией?

"И я ответил: Не это я говорю. А то, что гнавшие, и до сих пор гонящие Христа, и не кающиеся, не унаследуют ничего на святой горе Божией. Тогда как народы (язычники), уверовавшие в Него и покаявшиеся во всех грехах, совершенных ими -

они унаследуют со всеми патриархами и пророками и праведниками, рожденными от Израиля".

По словам Иустина, теперь Израилем являются не только иудеи, но и язычники, верующие в Иисуса. Иустин считает, что язычники, благодаря своей вере в Иисуса теперь ставшие частью Израиля, также, вместе с праведными иудеями, унаследуют то, что Бог обещал Израилю.

Что касается природы этого наследия, Трифон задает целесообразный вопрос: "признаешь ли ты истину того, что место сие, Иерусалим, будет восстановлено, и ожидаешь ли, что народ твой соберется вместе и возрадуется со Христом, вместе с патриархами и пророками, и святыми народа нашего, или даже с теми, кто стал прозелитами прежде, чем пришел Христос ваш..?"

"(Иустин отвечает:) Я уже признал пред тобою и ранее, что я и многие другие держимся этого мнения, как и вам самим доподлинно известно, что этому надлежит произойти. Но я также поведал тебе, что многие христиане чистого и благочестивого ума не принимают этого. Ибо я разъяснил тебе, что есть такие, кто христиане лишь по имени, а на деле безбожные и нечестивые еретики, учащие тому, что богохульно, и безбожно, и дурно... Ибо не человекам и не доктринам человеческим избрал я следовать, но Богу и учениям, происходящим от Него.

"Ибо если даже вам самим доводилось встречаться с некоторыми так называемыми христианами, которые не признают сего, но смеют хулить Бога Авраама, Бога Исаака и Бога Иакова... Но я и иные, вполне правоверные христиане, знаем, что будет воскресение плоти, а также тысяча лет в Иерусалиме, восстановленном, украшенном и увеличенном, как признают пророки Иезекиль, Исайя и другие".

"И далее, муж, среди нас именуемый Иоанном, один из апостолов Христовых, пророчествовал в данном ему откровении, что уверовавшие в нашего Христа, проведут тысячу лет в Иерусалиме, а после того произойдет всеобщее, одним словом, вечное воскресение всех разом, а также суд".

По Иустину "все вполне правоверные христиане" верили, что Иисус будет царствовать на земле тысячу лет в прославленном Иерусалиме. Те "так называемые христиане, которые не признают сего... на деле безбожные и нечестивые еретики", которые "смеют хулить Бога Авраама, Бога Исаака и Бога Иакова".

Евсевий знал "Диалог с Трифоном" Иустина. Он цитирует из него, хваля Иустина как "истинного любителя чистой философии". Он характеризует Иустина как человека смелого, "весьма осмотрительного и рассудительного".

Но как только дело касается иустиновых заявлений о том, что не признающие будущее пришествие и царствование Господа на земле из Иерусалима являются "безбожными и нечестивыми еретиками", Евсевий игнорирует Иустина. Он ни цитирует, ни упоминает, ни комментирует. Он не может сделать вид, что Иустин был сбит с толку Папием, и тогда он просто делает вид, что Иустин этого вовсе не говорил. Для Евсевия это не часть церковной истории, так как является не тем, во что должна была верить, по его мнению, церковь.

ПАСХАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Одной из тем, сыгравших особую роль в аннулировании апостольского учения, является пасхальное противоречие, окончательно установившееся на Никейском Соборе. Вплоть до сегодняшнего времени почти вся церковь следует очевидно ошибочному постановлению, принятому на этом соборе.

На Никейском Соборе рассматривались две основные проблемы. Первая касается еретических писаний Ария и его последователей.

"Но был и другой предмет, ставший причиной существенного беспокойства в церкви, а именно, разногласий, возникших внутри восточного крыла (теми, кто не являлся частью западной Римской империи) по поводу дня соблюдения Пасхи; некоторые праздновали этот праздник по иудейскому обычаю, а иные, во всем остальном мире, - по христианскому... Таким образом, император, находя, что покой церкви существенно нарушается каждым из -этих двух зол (пасхальным противоречием и арианской ересью), созвал (по совету некоторых прелатов, по Руфину), общий собор, приглашая, в письмах, всех епископов собраться в Никее, в Бифинии, и обеспечив их средствами передвижения. Вследствие чего великое их число, не менее трехсот восьмидесяти, прибыло из различных городов и местностей, при большом стечении младшего духовенства. Константином было организовано ежедневное и обильное обеспечение для поддержки и размещения этого многочисленного собрания".

Когда все были собраны, Константин приветствовал их предостережением против разногласий: "Дорогие друзья, моим самым заветным желанием было однажды насладиться зрелищем этого собрания. Будучи обременен сим желанием, я воздаю хвалу Богу, правителю над всеми, который, в дополнение ко всем иным бесконечным милостям, даровал мне это величайшее из благословений видеть вас, собравшихся вместе в единстве ваших сердец. Да никакой злобный враг не потревожит в будущем нашего общественного счастья. После окончательного подавления, при помощи Бога, хранящего нас, тирании тех, кто вел брань против Всевышнего, да не возможет никакой злостный демон вновь подвергнуть божественный закон какому-либо нареканию и злоречию. Внутреннее подстрекательство к мятежу, по моему разумению, является намного более опасным и устрашающим, нежели любая война, в которую я мог бы оказаться вовлечен; ни внешние заботы, сколь печальными они бы ни были, не причиняют уму моему столь чувствительного огорчения, как данное удручающее обстоятельство... и надеюсь, что при моем участии может быть обретено противодействие этому злу, я не замедлил послать за всеми вами".

Константин объединил империю. А теперь он вознамерился освободить и церковь от "подстрекательства к мятежу". На повестке дня было единство.

Как же возникло пасхальное противоречие? Иисус праздновал Пасху четырнадцатого Ниссана, так как это библейская дата. Он соблюдал все праздники (священные дни) левитов в дни, установленные и предназначенные для этого Богом. Так же поступали апостолы и церковь первого столетия.

"Первоначально христианская Пасха праздновалась в то же время, что и иудейская, и это одновременное соблюдение сохраняло иудейский ритуал в христианском празднике и укрепляло связи между Христианством и Иудаизмом. Дату нужно было изменить. В некоторых местах церковь пыталась привязать праздник к одной дате, 14 Ниссана; в других местах - и это стало преобладающим обычаем - она

сделала Святой Неделей неделю, на которую приходилось 14 Ниссана (день начала иудейского поста), и передвинула праздник, уже изменивший свой характер, на воскресенье, следующее за Святой Неделей. Во всех случаях существовала зависимость от иудейского календаря, "унизительное подчинение" синагоге, раздражавшее церковь.

"Кроме изменения дат, церковь также придала иудейским праздникам, воспринятым ею, значение, отличное от того, которое они имели для иудеев. Итак, воскресенье знаменует собой воскресение Господа, победу над иудеями".

Во втором столетии, некоторые из церквей на западе, среди язычников, начали праздновать Пасху так, чтобы их ознаменование Господня воскресения всегда приходилось на воскресенье, независимо от библейского календаря. К концу второго века эти западные церкви, под предводительством епископов Рима, Кесарии и Иерусалима (где более не было иудейских епископов), стали агитировать все церкви соблюдать Пасху в установленное воскресенье, а не 14 Ниссана. Они также пользовались римским календарем, а не библейским.

Евсевий говорит: "В это время возникли существенные дебаты, ставшие следствием различия во мнениях относительно соблюдения пасхального сезона. Церкви по всей Азии, придерживаясь более ранней традиции, считали, что им следует соблюдать четырнадцатый день месяца как праздник Пасхи Спасителя, в день, когда иудеям было заповедано заколоть пасхального агнца... Но так как это не являлось обычаем в церквях во всем остальном мире... по этому вопросу собирались синоды и собрания епископов... Даже сейчас сохранилась запись с именами тех, кто собирался в то время; среди них председательствовал Феофил, епископ церкви кесарийской, и Нарциссий, епископ Иерусалима. Есть еще одна сохранившаяся запись с именем Виктора (епископа Рима)..".

"Однако, епископов Азии, настаивавших на соблюдении обычая, переданного им отцами, возглавлял Поликрат. Он также представил переданную им традицию в письме, адресованном Виктору и церкви в Риме.

"Мы, - говорил он, - посему, соблюдаем истинный день; ни прибавляя к сему, и не отнимая. Ибо в Азии уснули великие светила, которые снова восстанут в день явления Господня, в который Он придет с небес во славе и воскресит всех святых; Филипп, один из двенадцати апостолов, спящий в Иераполе, и две его состарившиеся дочери-девы. Другая его дочь, также жившая под влиянием Духа Святого, теперь тоже почивает в Эфесе. Более того, Иоанн, приклонявший главу на груди у нашего Господа, который также был священником и нес священническое блюдо, мученик и учитель. Он погребен в Эфесе; также Поликарп из Смирны, епископ и мученик, погребенный в Смирне. Фрасий, тоже епископ и мученик Евмении, погребенный в Смирне. Зачем мне упоминать...".

"Все сии соблюдали четырнадцатый день Пасхи по евангелию, ни в чем не отклоняясь, но следуя правилу веры. Более того, я, Поликрат, наименьший из вас, по традиции моих родичей, некоторым из которых я последовал. Ибо было у меня семь родичей епископов, и я восьмой; и родичи мои всегда соблюдали день, когда народ (т. е. иудеи) выбрасывали квасное. Посему, я, братья, шестидесяти пяти лет ныне в Господе, имев совещание с братьями по всему миру, и изучив все Святые Писания, не беспокоюсь о том, чем мне угрожают. Ибо более великие, чем я сказали: "Надобно повиноваться Богу более, нежели человекам".

"Посему Виктор, епископ церкви в Риме, вознамерился искоренить церкви по всей Азии, вместе с соседними церквями, как еретические, из общего единства. И он сообщает об этом за границу в письмах, и объявляет, что все тамошние братья полностью отлучаются".

Были и другие, подобно Иренею, с большою суровостию" увещавшие Виктора отменить свое постановление. Иреней напоминал Виктору о случившемся пятьюдесятью годами раньше. Анисет, в то время бывший епископом римским, попытался убедить Поликарпа. "Ибо Анисет не смог убедить Поликарпа не соблюдать ее (Пасху), так как он всегда соблюдал ее с Иоанном, учеником Господа, и остальными апостолами, с которыми он общался..."

В другом разделе Евсевий рассказывает о Поликарпе: "Он всегда учил тому, что узнал у апостолов, что передавалось церковью, и что есть единое истинное учение".

Очевидно, Виктор отменил свое постановление, но противоречие не было оозрешено. О нем лишь временно замолчали. Церковь в Риме продолжала добиваться своего верховенства. Иерусалим уже был разрушен физически, но как духовного конкурента его еще предстояло уничтожить. Проблема эта, в слегка измененном виде, была окончательно решена на Никейском Соборе в 325 г.

Там было решено, что все церкви должны праздновать Пасху в воскресенье, установленное церковью, а не в библейскую дату. Это было сообщено всем церквям. Император Константин послал свое собственное увещание ко всем церквям относительно решения Собора.

Сказанное императором имело большой вес. В конце концов, именно Константин положил конец гонению на церкви. Он был основателем Священной Римской Империи. Он открыто лично исповедовал христианскую веру. Он созвал Собор. Посему церкви охотно прислушивались к тому, что он хотел им сказать.

То, с чем обратился к ним Константин, является ясным выражением настроений и теологии, царивших на Никейском Соборе. В этом проявляется то, что тогда стало почти всеобщим настроением и теологией церкви. Итак, хотя письмо и пространное, но все же стоит взглянуть на полный текст личного увещания императора, адресованного всем церквям. Оно послужило решающей силой в изменении характера церкви и последующей западной и мировой истории. В нем присутствует несколько весьма значительных элементов.

"Августейший Константин церквям.

"Вкусив величие божественной благодати в процветающем состоянии общественных дел, я почел своим долгом приложить усилия к тому, чтобы счастливое множество Католической (вселенской) Церкви сохранило единую веру, объединилось в неподдельной и искренней любви и гармонично соединилось в своей преданности Всемогущему Богу. Но сие может быть достигнуто с твердостью и уверенностью не иначе как путем проверки, с этой самой целью, всего, что касается нашей святейшей религии, всеми епископами, или, по крайней мере, большей их частью, собранными вместе. Итак, созвав возможно большее их количество, и присутствуя сам, я был одним из вас, (и не могу отрицать, что весьма радуюсь возможности быть вашим сослужителем); все проверялось, покуда на свет не явилось единодушное мнение, угодное Богу, видящему все, дабы не оставалось никаких предлогов для разногласий и противоречий касательно веры.

"Когда встал вопрос о святейшем дне Пасхи, при всеобщем согласии было признано целесообразным, чтобы праздник этот отмечался всеми в один и тот же

день повсюду. Ибо что может быть более приличным, более почтенным и подобающим, нежели празднование этого праздника, от которого мы получаем надежду на бессмертие, всеми и повсюду в одинаковом порядке и по определенному правилу. И поистине, прежде всего, всем показалось чрезвычайно недостойным то обстоятельство, что в праздновании этого святейшего торжества мы должны придерживаться обычая иудеев, которые, о скверные негодяи! замарав руки свои гнусным преступлением, заслуженно ослеплены в своем уме.

"Посему подобает, отвергнувши практику сего народа, увековечить на все грядущие века празднование этого обычая в более законном порядке, который мы хранили с первого дня страстей Господних до сего дня. И да не будем иметь ничего общего с наивраждебнейшим иудейским сбродом. Мы приняли иной способ от нашего Спасителя. Для нашей святейшей религии открыт более законный и подобающий путь. Следуя по сему пути в единодушном согласии, давайте же избегать, мои достопочтенные братья, этого наигнуснейшего сообщества.

"Итак, в высшей степени, нелепо, что они надменно превозносятся, возомнив, что без их наставления мы не в состоянии надлежащим образом исполнять этот обычай. Ибо что могут разуметь верно те, кто после трагической смерти Господа, будучи обмануты и помрачены в рассудке, водимы необузданным инстинктом всюду, куда бы не подвинуло их врожденное безумие. Оттого и в данной частности они не разумеют истины, пребывая в величайшем заблуждении, вместо того, чтобы своевременно поправить свое исчисление, они отмечают Пасху дважды в один и тот же (римский) год. К чему же нам следовать за теми, кто поработен вопиющему заблуждению? ибо мы никак не потерпим соблюдение Пасхи дважды в год.

"Но если сказанное мною покажется недостаточным, то предоставляю вашей тонкой проницательности, путем усердия и молитвы, ни коим образом не, допустить, чтобы чистота ваших умов осквернилась сообразованием, в чем бы то ни было с обычаями подлейшего отродья. Кроме того, следует учесть, что всякие распри в деле подобной важности и в столь серьезном религиозном учреждении, были бы в высшей мере преступными. Ибо Господь завещал нам один праздничный день нашего освобождения, а именно день его святых страстей; и ему было благоугодно, чтобы церковь его была единой; члены которой, хотя и рассеяны по многим и различным местам, все питаются от единого духа, который есть воля Божия.

"Да не останется сокрытым от прозорливости вашей святости, сколь болезненным и непристойным было бы то, что некоторые претерпевали бы тяготы воздержания, а другие увеселяли себя пиршествами в один и тот же день; а после Пасхи одни бы ублажали себя праздничными увеселениями, в то время как иные посвящали бы себя соблюдению предписанных постов. Посему, мне думается, каждому следует уразуметь, что воля божественного провидения состоит в том, чтобы в сем отношении осуществить преобразование и следовать единому правилу.

"Ибо самой необходимостью продиктовано устранение этого недостатка, дабы нам не иметь ничего общего с деяниями сих изменников и убийц нашего Господа; так как порядок, соблюдаемый всеми церквями на Западе, а также в южных и северных частях мира, и некоторыми из них на Востоке, представляется наиболее подходящим, то рассудилось в высшей степени справедливым и отвечающим общим интересам, и я дал себе слово заручиться вашей поддержкой в сем предприятии, а именно, что обычай, которому единодушно следуют в Риме, и по всей Италии, в Африке и Египте, в Испании и Галлии, Британии, Ливии, по всей Греции, в епархии Азии, в Понте и

Силиции, был бы охотно одобрен вашим благоразумием, принимай во внимание вне только то, что в вышеназванных областях расположено великое множество церквей, но также и то, что в высшей мере религиозным и справедливым было бы всем прислушаться к тому, что представляется голосом разума, и не сообщаться с вероломными иудеями.

"Дабы подвести краткий итог всему сказанному, следует отметить, что по всеобщему рассуждению, представилось благоугодным, чтобы святейший праздник Пасхи отмечался в один и тот же день. Ибо не пристало в столь священном обряде допускать какую бы то ни было разнородность; посему лучше следовать тому решению, в котором удалось избежать соучастия в грехе и заблуждении других.

"В сложившейся ситуации охотно примите небесное и поистине божественное повеление. Ибо постановления святого собора епископов следует относить к божественной воле. Посему, объявив своим возлюбленным братьям написанное, вашим долгом остается принять и утвердить приведенные аргументы, и самое соблюдение святейшего дня; дабы когда я окажусь в вашем драгоценном присутствии, столь для меня желанном, я имел бы возможность в один день вместе с вами праздновать сей священный праздник и всячески о том радоваться, видя, что коварство дьявола преодолено божественной силой при моем посредничестве, и что ваша вера, ваш мир и ваше единство повсюду процветают. Да хранит вас Бог, мои возлюбленные братья".

В данном письме Константин официально утверждает антииудейскую платформу для церковных доктрин и практики, и объявляет презрение к иудеям и отмежевание от них единственно верным христианским отношением.

"...всем показалось чрезвычайно недостойным то обстоятельство, что в праздновании этого святейшего торжества мы должны придерживаться обычая иудеев, которые, о скверные негодяи! замарав руки свои гнусным преступлением, заслуженно ослеплены в своем уме. Посему подобает, отвергнувши практику сего народа, увековечить на все грядущие века празднование этого обычая в более законном порядке... И да не будем иметь ничего общего с наивраждебнейшим иудейским сбродом.

"Следуя по сему пути в единодушном согласии, давайте же избегать... этого наигнуснейшего сообщества.

"К чему же нам следовать за теми, кто поработен вопиющему заблуждению?... "Но если сказанное мною покажется недостаточным, то предоставляю вашей тонкой проницательности, путем усердия и молитвы, ни коим образом не допустить, чтобы чистота ваших умов осквернилась сообразованием, в чем бы то ни было, с обычаями подлейшего отродья.

"Ибо самой необходимостью продиктовано устранение этого недостатка, дабы нам не иметь ничего общего с деяниями сих изменников и убийц нашего Господа...

"...в высшей мере религиозным и справедливым было бы всем прислушаться к тому, что представляется голосом разума, и не сообщаться с вероломными иудеями..".

Эту антииудейскую платформу Константин приписывает Иисусу - "Мы приняли иной способ от нашего Спасителя. Для нашей святейшей -религии открыт более законный и подобающий путь" - и повелевает, со всей властью императора, чтобы церковь всецело восприняла и придерживалась такого настроения, доктрины и практики, ибо решения епископов на соборе являются волей Божией. Он угрожает,

что всякое отступление от подобных взглядов должно считаться в высшей степени преступным.

"...все проверялось, покуда на свет не явилось единодушное мнение, угодное Богу, видящему все; дабы не оставалось никаких предлогов для разногласий и противоречий касательно веры...

"...Кроме того, следует учесть, что всякие распри в деле подобной важности и в столь серьезном религиозном учреждении, были бы в высшей мере преступными.

"...так как порядок, соблюдаемый всеми церквями на Западе, представляется наиболее подходящим... примите небесное и поистине божественное повеление. Ибо постановление святого собора епископов следует относить к божественной воле.

"Посему, объявив своим возлюбленным братьям написанное, вашим долгом остается принять и утвердить приведенные аргументы, и самое соблюдение святейшего дня; дабы когда я окажусь в вашем драгоценном присутствии, столь для меня желанном, я имел бы возможность в один день вместе с вами праздновать сей священный праздник и всячески о том радоваться, видя, что коварство дьявола преодолено божественной силой при моем посредничестве..."

Все это было написано с тем, чтобы ни один христианин не праздновал Пасху 14 Ниссана, (По видимости, Евсевий представил новый календарь для установления даты празднования.) Это довольно важное письмо.

Но вопрос "Когда это Бог дал Константину такую власть над церковью?" открывает на многое глаза. Вопрос этот не был задан ни в то время, ни шестнадцать с половиной веков спустя.

Отношения церкви и государства, установившиеся при Константине, рассматривались как величайшее благословение Божие. Был положен конец тому, что уже казалось бесконечным гонением. Но с окончанием гонения и началом нового альянса произошли великие компромиссы, искажившие характер церкви и по сей день.

По окончании Никейского Собора Константин дал званый пир, отчетливо продемонстрировавший то, что случилось с церковью Презренного и Отвергнутого людьми. Во время банкета Евсевий пылко восхвалял императора перед собравшимися руководителями церкви.

Сам Евсевий так описал происходившее: "Ни один епископ не отсутствовал на императорском пиру, проходившем столь чудно, что трудно описать. Охранники и солдаты, расположившиеся кругом, стояли у входа во дворец с обнаженными мечами. Мужья Божий проходили мимо них бесстрашно и следовали в личные покои императора. Некоторые из них затем допускались к императорскому столу, а иные занимали места, предназначенные для них по обе стороны от императора. Это было живым образом царства Христова, и было похоже более на сон, нежели явь.

Здесь Евсевий несколько сбивает с толку. Действительно, некоторые из руководителей церкви были близки к Константину, вхожи в его личные апартаменты, и допущены к столу - в то время подобные привилегии были показателем религиозного успеха - но слишком сомнительно то, что все мужья Божий проходили через кольцо охранников и солдат безо всякого страха. Император задумал проучить кое-кого при помощи обнаженных мечей.

Относительно Пасхального противоречия Никейский Собор принял антибиблейский курс, с которым необходимо было сообразоваться. Мечи были напоминанием о необходимости считаться с официальным постановлением.

"Св. Афанасий отмечает различие в тоне между тем, что было сказано по этому вопросу (Пасха) и тем, что касалось веры (арианское противоречие). Касательно второго говорится, "мы убеждены, что сия есть католическая вера", с тем, чтобы показать, что это не новшество, но апостольская традиция. В этой связи не указывается дата принятия решения, ни год, ни месяц. Но касательно Пасхи говорится, "мы постановили следующее", дабы указать на необходимость общего повиновения... Но несмотря на решение собора, были некоторые квадродециманцы (от латинского "четырнадцатое"), как их именovali, которые упрямо придерживались празднования Пасхи четырнадцатого числа месяца, и среди прочих аудианцы, раскольники Месопотамии. Они предъявляли претензии к собору, с упреком отмечая, что на этот раз, благодаря уступкам Константину, древняя традиция была впервые нарушена".

Константин одержал мечом политическую победу во имя Господа. Для победы над церковью он был намерен использовать то, что принесло ему победу в империи.

"Он (Константин) опубликовал еще одно письмо, а точнее указ, адресованный епископам и народу, осуждающий Ария и его писания, дабы если будет найдена какая из книг им написанных, да будет предана огню, чтобы на будущие века о его тлетворном учении не осталось никакой памяти. Он объявляет, что всякий, уличенный в сокрытии книг, составленных Арием, немедленно по задержании будет предан смерти... Одновременно сам Арий и два прелата, поддерживавших его наиболее рьяно, были изгнаны императором".

С тех пор церковная доктрина стала внедряться при помощи меча. Несогласных изгоняли, либо предавали смерти. Книги еретиков - учивших тому, что противоречило принятому учению - сжигались и стирались с лица земли. В конце концов, как писал Константин, "не оставалось никаких предлогов для разногласий и противоречий касательно веры".

Церковь перестала быть церковью Иисуса и стала церковью Константина. Она больше не была невестой Мессии. Она стала невестой Кесаря.

Внутренний свет обратился во тьму. Церковь, перестав быть средством спасения, превратилась в средство разрушения. Она отравила воды вечной жизни, сделав их неиссякаемым источником смерти. В течение столетий церковь Константина несла смерть миллионам и миллионам людей в мире. Многие из них были евреями.

Иисус предупредил своих последователей: "цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий - как служащий". (Лк. 22:25-26) Константин выдавал себя за благодетеля церкви, и прекратив гонения, ожидал от церкви подчинения своей воле. Пророческий голос церкви относительно государства был заглушен, и ей была навязана иерархическая структура.

То, что Константин должен был править землей для Бога, рассматривалось как высшая духовная истина. То, что Иисус, Царь царей, должен был править всей землей из Иерусалима, высмеивалось как нечто плотское и бездуховное.

При Константине Евсевий написал историю церкви, в которой целенаправленно игнорировалось всякое положительное упоминание относительно восстановления Израиля и земного царствования Иисуса. Единственное, что оставалось иудеям в плане и предназначении Божиим - служить земным, временным образом вечного убожества и осуждения, ожидавших всех, кто был за пределами церкви.

Теперь церковь была официально *Contra Judeos* и *Adversus Judeos* -находилась в оппозиции и противостоянии иудеям. Таким образом было заложено антииудейское основание, на котором в дальнейшем возводились доктрины и практика. Историческое и теологическое выкорчевывание иудеев приготовило путь для "законных" попыток их искоренения.

"Святой Собор", на который ссылался Константин, породил некую новую "божественную волю". Сама церковь променяла силу Божию на мощь Римской Империи. Церковь стала своим собственным царством. Церкви, столь долго преследуемой "коварством дьявола", вскоре предстояло самой стать преследователем.

По-видимому, в ту пору в Римской Империи некому было противостать такому решению. Дни пророков и апостолов уже миновали. Не было уже и таких мужей, как Поликарп и Поликрат, готовых сказать религиозным властям церкви то, что однажды Петр и Иоанн сказали религиозным властям Синагедриона: "Мы должны повиноваться Богу более, нежели человеку".

Церковь произвела значительные официальные изменения в доктрине, и в самом способе установления доктрины. Как Константин писал "Католической церкви в Александрии", "...ибо одобренное тремястами епископами должно рассматриваться не иначе как благоволение Божие, в особенности оттого, что Святой Дух, обитающий в умах столь многочисленных и достойных мужей, отчетливо указал божественную волю". Истина Божия устанавливалась церковным собором, а не Словом Божиим. Вследствие этого, учение, представлявшееся Иустину Мученику богохульной ересью, стало новой непререкаемой ортодоксией.

Примечательно то, что изменение это касалось такого ясного, и, казалось бы, незначительного вопроса, как дата празднования Пасхи. Библия установила дату Пасхи 14 Ниссана. Именно тогда праздновал Пасху Иисус. Также поступали и апостолы.

Апостол Павел, служение которого было обращено к язычникам, соблюдал библейские даты. В книге Деяний записано, между прочим, что Пасха (Деян.20:7), Шавуот/Пятидесятница (20:16) и Йом Киппур/День Искупления (27:9) являлись для Павла четко установленными значительными датами. Церковь, создаваемая апостолами, знала, когда празднуется Пасха; со времен Никейского Собора, церковь, в которой председательствовал Константин, больше не желала соблюдать библейскую дату, так как это было слишком по-иудейски.

Сама Библия была слишком иудейской. Но человеческие учения, с другой стороны, могли быть такими, какими это было угодно людям.

В качестве последнего замечания по поводу Никейского Собора, Канон VII говорит о епископе из Аэлии. "Аэлия" - это название, данное императором Адрианом Иерусалиму после окончания восстания Бар Кохбы.

"Канон VII: Поскольку обычай и древняя традиция требуют относится к епископу Аэлии с особым почтением, да будет он считаться вторым после митрополита (епископа Кесарии), без ущерба для авторитета последнего". У Иерусалима отняли его имя и поставили его в подчинение церкви, последовавшей за Оригеном.

Константин и Евсевий совершили и утвердили серьезные ошибки. Изменения, введенные ими ввергнули церковь и мир во тьму, продолжавшуюся буквально тысячу лет. Они заложили иное основание, отличное от заложенного Иисусом и его апостолами. В истории Церкви началась новая эра. В действительности, было положено начало новой церкви.

Евсевий в "Последних днях Константина" рассказывает такую историю. "Все сии сооружения император освятил, желая увековечить память апостолов нашего Спасителя перед всем народом. Однако у него была и иная цель для строительства этого здания (т. е. Церковь Апостолов в Константинополе): цель по началу неизвестная, но затем ставшая для всех очевидной. На самом деле, он избрал это место, думая о собственной кончине, ожидая с чрезвычайною пылкостью веры, что его тело станет причастником апостольского звания вместе с самими апостолами, и чтобы, таким образом, ему и по смерти, вместе с ними, быть предметом обрядов, которые будут совершаться в их честь на сем месте, и с этой целью он приглашал некоторых для поклонения перед алтарем, воздвигнутым им посредине. Соответственно, он повелел поставить в сей церкви двенадцать гробниц, которые должны были служить священными столпами в память и честь апостолов, а по центру была поставлена его собственная гробница, по обе стороны которой располагалось по шесть апостольских гробниц. Итак, как я сказал, с мудрою прозорливостью он уготовал почтенную усыпальницу для своего тела после смерти, и в тайне давно приняв сие решение, ныне он посвятил эту церковь апостолам, в надежде, что сия дань их памяти не окажется тщетной и для его собственной души. И Бог не разочаровал его в том, чего он так страстно желал и на что уповал".

"Замыслив Церковь Апостолов, Константин мечтал о том, чтобы почитать навеки посреди Двенадцати, не просто как один из них, но как символ, если не замена, их Вождя. Во время строительства этой церкви, его посланники занимались сбором так называемых мощей (останков) апостолов и их сотоварищей, с тем, чтобы затем водрузить их в церкви вместе с его телом в ожидании всеобщего воскресения".

"Проект был начат, но не доведен до конца. Официально проводились поиски тел апостолов, которые, по всей вероятности, послужили поводом для поспешной инвентаризации мощей апостолов или их останков".

Константин стремился сделать кости и здания предметом поклонения. Поклонение, сосредоточенное на здании, естественно пренебрегало "важнейшим в законе: справедливостью, милосердием и верой". Все это - неотъемлемая часть поклонения, угодного Богу. При новом порядке поклонение обрело форму и вид, лишённые жизни, света и служения.

Иисус сказал: "поклоняющиеся Богу должны поклоняться Ему в духе и истине". Дело не в здании, а в людях; не в граде, а в Духе.

Константин строил сооружения, называемые церквями, и их начали наполнять люди, сами не являвшиеся Церковью. Они "ходили в церковь", сами не стремясь "быть Церковью".

Риму суждено было стать новым "святым градом", географически определяя и ограничивает поклонение. Во многих отношениях Константин заложил новый фундамент церкви. До сего дня церковь носит его облик. Именно таким было его намерение.

Павел предупреждал языческих верующих в Риме: "Не превозносите над природными ветвями. Не превозносите над еврейским народом". Три положения были в особенности характерны для церкви Константина, возведенной на антииудейском основании:

1. Высокомерие по отношению к иудеям;
2. Игнорирование Божиего плана для Израиля и преображения мира;
3. Руководители, которые господствовали, но не служили.